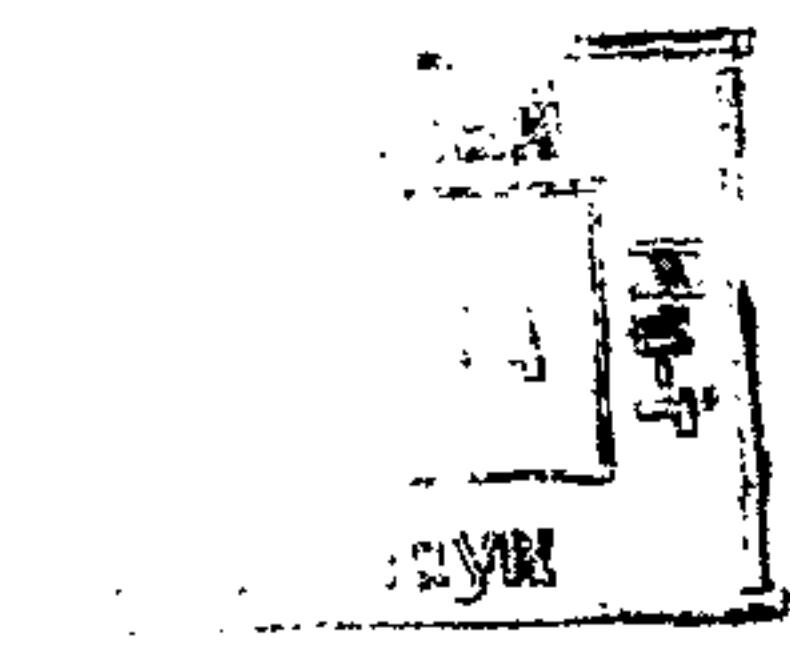
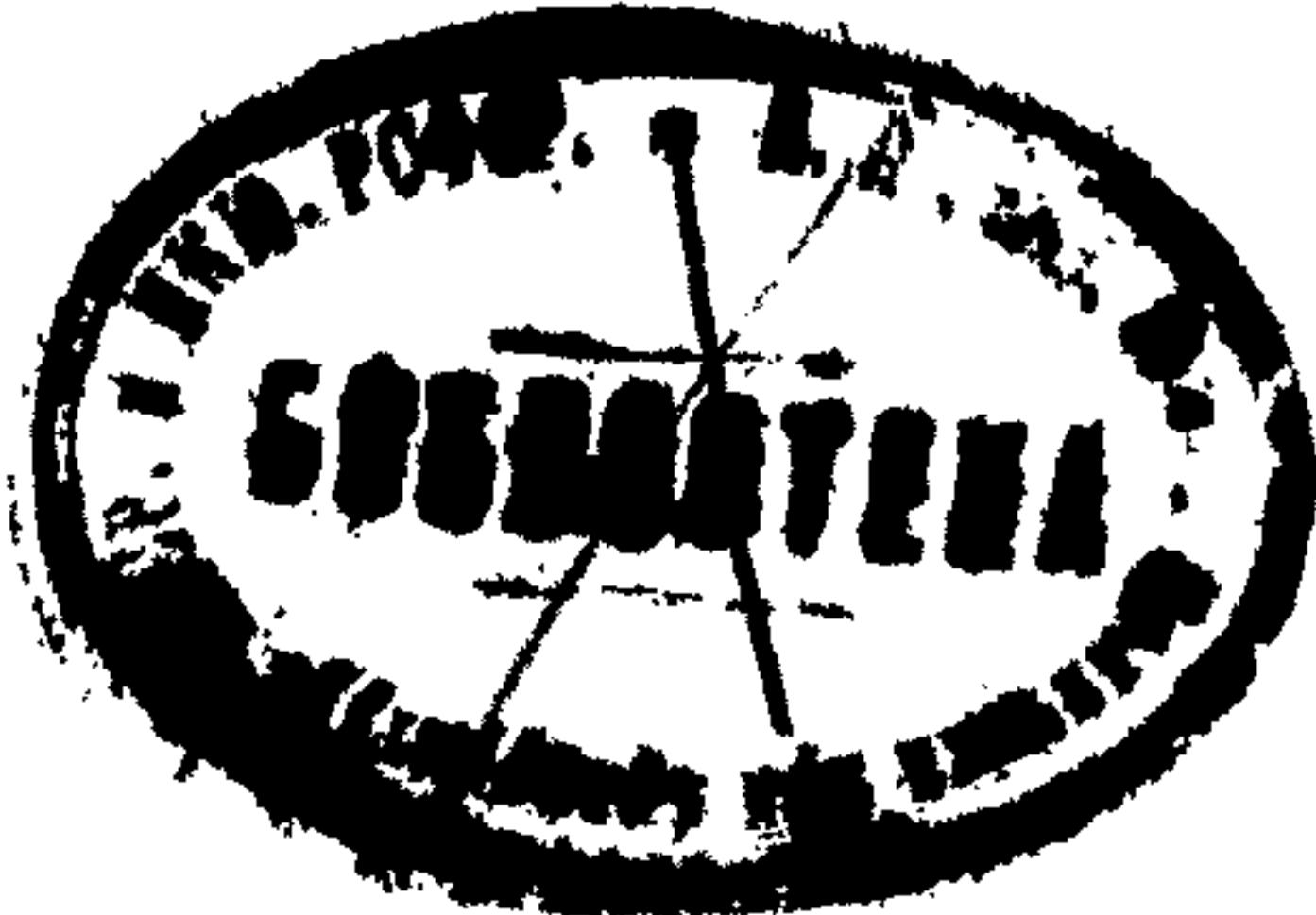
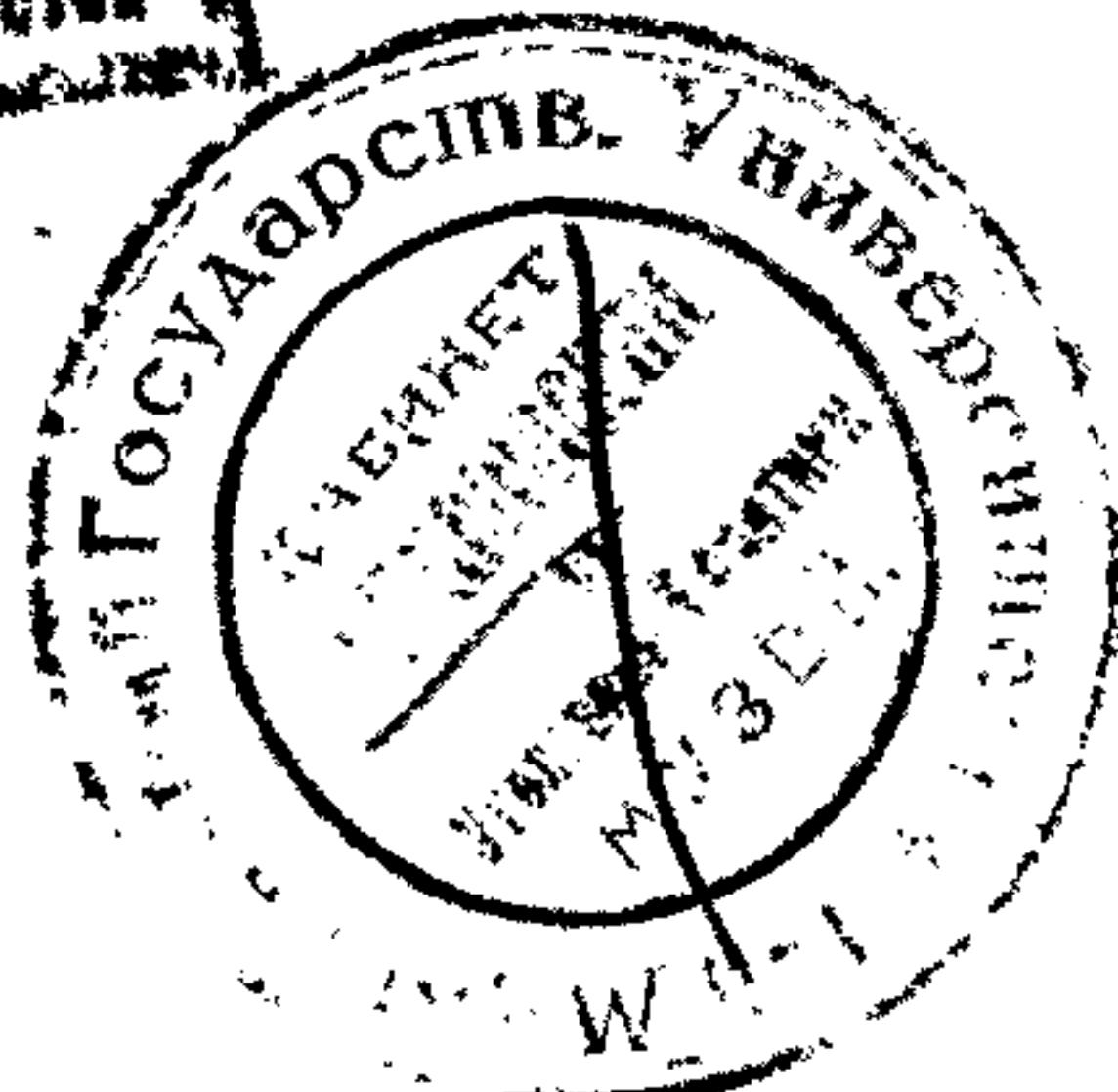

Проверено 18(?)

Отзывъ

о сочиненіи И. В. Михайловскаго: „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовнаго процесса“.

П. П. Пусторослева.

Тосифъ Викентьевичъ Михайловскій, уже пріобрѣтя въ Университетъ Св. Владимира въ 1900 году право чтенія лекцій въ качествѣ приватъ-доцента во всѣхъ русскихъ Университетахъ, управляемыхъ по общему университетскому уставу 1884 г., представилъ Юридическому Факультету Императорскаго Юрьевскаго Университета въ рукописи свое сочиненіе подъ заглавиемъ: „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовнаго процесса“, въ качествѣ диссертациіи, для пріобрѣтенія званія приватъ-доцента Императорскаго Юрьевскаго Университета. Разсмотрѣвъ по порученію Юридического Факультета это сочиненіе, честь имѣю представить Факультету свой отзывъ.

Сочиненіе г. Михайловскаго занимаетъ 52 страницы.

Содержаніе этого сочиненія не вполнѣ соответствуетъ его заглавію. Дѣло въ томъ, что авторъ не ограничивается разсмотрѣніемъ мѣръ, ведущихъ къ упрощенію уголовнаго судопроизводства по мелкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, но изслѣдуетъ и такія мѣры, которые нисколько не упрощаютъ самого уголовнаго судопроизводства, но сокращаютъ для уго-

1900

1951 г.

ловныхъ судовъ лишь необходимость въ отправлениі уголовнаго правосудія по этимъ правонарушеніямъ. Такъ, авторъ подвергаетъ своему изслѣдованию надѣленіе поліціи правомъ наложенія наказаній на обвиняемыхъ въ мелкихъ уголовныхъ правонарушеніяхъ (с. 12—16.) и устраниеніе судебнаго разбирательства посредствомъ добровольной уплаты денежнаго штрафа обвиняемымъ въ мелкомъ уголовномъ правонарушеніи (с. 16—18.). А эти учрежденія, очевидно, не вносятъ никакихъ упрощеній въ уголовное судопроизводство, но сокращаютъ для уголовныхъ судовъ лицъ необходимость въ его примѣненіи на дѣлѣ.

Кромѣ того, можно пожалѣть, что авторъ не избѣгъ напраснаго помѣщенія иностранныхъ словъ въ заглавіи своей работы. Вместо того, чтобы говорить въ заглавіи: „Къ вопросу объ упрощеніи суммарнаго уголовнаго процесса“ можно было бы сказать: „Къ вопросу о сокращеніи упрощеннаго уголовнаго судопроизводства“.

Ставя въ самомъ заглавіи своего сочиненія выраженіе „къ вопросу“, авторъ ясно отмѣчаетъ, что онъ не имѣть намѣренія изслѣдовать исчерпывающимъ образомъ вопроса о сокращеніи уголовнаго судопроизводства по легкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что авторъ обратилъ вниманіе на многія существенныя части этого вопроса, изложилъ ихъ вкратцѣ въ главныхъ чертахъ, большую частью съ надлежащей правильностью и дать въ общихъ чертахъ такую оцѣнку, которая содержитъ въ себѣ многое вѣрнаго. Есть у автора и промахи, но многіе изъ нихъ искушаются достоинствами его труда.

Разматриваемое сочиненіе г. Михайловскаго распадается по содержанію на шесть частей.

Первая часть (с. 1—12.) составляетъ введеніе.

Четыре слѣдующія части посвящены описанію и оцѣнкѣ четырехъ учрежденій, предназначенныхъ служить средствами къ сокращенію отправлениія уголовнаго правосудія по легкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ. Такъ, во второй части

(с. 12—16.), по терминології автора, разматривається „Пре-
доставленіе поліції права налагати наказанія на обвиняємыхъ“, въ третьей (с. 16—18.) — „Інститутъ устраниенія судебного разбирательства путемъ добровольной уплаты обвиняемымъ денежного взысканія“, въ четвертой (с. 18—28.) — інститутъ „судебныхъ карательныхъ приказовъ“ „безъ разби-
рательства“ дѣль и въ пятой (с. 28—32.) — „Судебное разби-
рательство дѣла въ порядке неотложности“.

Наконецъ, шестая часть (с. 32—52.) посвящена авторомъ краткому изложенію и обоснованію тѣхъ мѣръ, которыя онъ предлагаетъ въ качествѣ средствъ къ улучшенію уголов-
наго судоустройства и судопроизводства по легкимъ уголов-
нымъ правонарушеніямъ и при этомъ предлагаетъ главнымъ
образомъ для Россіи (с. 33—38; 46—52.), а отчасти и для за-
падно-европейскихъ континентальныхъ государствъ (с. 38; 46.).

Въ началѣ введенія къ такой работѣ, какъ сочиненіе „Къ вопросу объ упрощеніи суммарного уголовного процесса“, слѣдовало бы указать вкратцѣ основаніе борьбы культурнаго государства за господство правового порядка противъ уголовныхъ правонарушеній посредствомъ такихъ крайнихъ мѣръ виѣшняго принужденія, какъ наказаніе. Нужно было бы указать, что благосостояніе культурнаго народа, объединив-
шагося въ государство, возможно въ томъ только случаѣ, когда въ государствѣ господствуетъ правовой порядокъ, соотвѣтствующій потребностямъ и условіямъ жизни этого народа; что въ интересахъ благосостоянія своего народа культурное государство необходимо должно взять на себя учрежденіе и поддержаніе этого порядка, а въ томъ числѣ, по мѣрѣ надобности, и борьбу противъ уголовныхъ правонарушеній посредствомъ такихъ крайнихъ средствъ виѣшняго принуж-
денія, какъ наказаніе.

Г. Михайловскій поступаетъ иначе. Излагая свое вве-
деніе къ разматриваемому нами сочиненію, онъ ставить исход-
нымъ пунктомъ своихъ разсужденій ту мысль, что „въ общей
экономіи правовой жизни“ мелкія уголовныя „дѣла занимаютъ

если не болѣе важное, то во всякомъ случаѣ одинаково важное мѣсто, съ дѣлами о тяжкихъ преступленіяхъ“ (с. 1.), и приводить въ пользу этой идеи нѣкоторыя вѣскія соображенія. Къ сожалѣнію, онъ портить ихъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, утверждая, что „никто изъ гражданъ не гарантированъ отъ вызова въ камеру мирового судьи по обвиненію въ нарушениіи напр., какого нибудь изъ безчисленныхъ „обязательныхъ постановленій“ администраціи“ (с. 2.).

Далѣе, авторъ отмѣчаетъ, что государство должно вести борьбу противъ мелкихъ уголовныхъ правонарушеній и при томъ борьбу посредствомъ легкихъ наказаній, разсчитанныхъ на устрашеніе, и въ заключеніе говоритъ: „Итакъ мѣстная уголовная юстиція представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, оперируя надъ массой мелкихъ правонарушеній, чрезмѣрное размноженіе которыхъ сдѣлало бы невозможной общественную жизнь и для уменьшенія и даже при нѣкоторыхъ условіяхъ для полнаго прекращенія которыхъ наказаніе является самыемъ дѣйствительнымъ средствомъ“ (с. 5.).

Изъ дальнѣйшихъ словъ автора (с. 5; 9; 33; 46—48.), очевидно, что онъ называетъ мѣстной уголовной юстиціей отправленіе уголовнаго правосудія по легкимъ или мелкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ не въ предѣлахъ какой-нибудь отдельной мѣстности въ государствѣ, но въ предѣлахъ всей территоріи государства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей. При такихъ условіяхъ, употребленіе термина „мѣстный“ по отношенію къ этой уголовной юстиціи является совершенно не умѣстнымъ, съ точки зрењія общепринятой правильной юридической терминологіи.

Отправленіе уголовнаго правосудія по всякимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, какъ тяжкимъ, такъ и легкимъ является удовлетворительнымъ только тогда, когда отличается тремя качествами: основательностью, правомѣрностью и быстротой. Эти качества не развиваются сами собою. Они являются нормальными свойствами уголовнаго правосудія только въ томъ случаѣ, когда ихъ присутствіе обезпечено введеніемъ

особыхъ условій или приспособленій въ самое устройство уголовныхъ судовъ и въ самый строй судопроизводства. Въ виду такого принципіального значенія, основательность, правомѣрность и быстрота уголовнаго правосудія одинаково признаются принципами уголовно-судебнаго права у культурныхъ народовъ. Но наилучшія гарантіи основательности и правомѣрности правосудія, какъ известно, не совмѣстимы съ наилучшими гарантіями быстроты. Въ виду этого, наука и культурные законодатели, строя уголовные суды и судопроизводство, предназначенные къ отправлению уголовнаго правосудія по важнымъ уголовнымъ правонарушеніямъ, въ силу многихъ весьма вѣскихъ соображеній, отдаютъ предпочтеніе наилучшимъ гарантіямъ основательности и правомѣрности правосудія и соединяютъ ихъ, по мѣрѣ возможности, съ достаточными, но менѣе сильными гарантіями быстроты. Строя же уголовные суды и судопроизводство, предназначенные къ отправлению уголовнаго правосудія по легкимъ или мелкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, наука и культурные законодатели, также на основаніи многихъ весьма вѣскихъ соображеній, отдаютъ преимущество наилучшимъ гарантіямъ быстроты правосудія и соединяютъ ихъ съ хорошими гарантіями основательности и правомѣрности правосудія.

Эти идеи слѣдовало бы положить въ основаніе своихъ разсужденій и г. Михайловскому, когда онъ перешелъ къ изложению въ общихъ чертахъ, какимъ принципіальнымъ требованіямъ должно удовлетворять отправление уголовнаго правосудія по мелкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ; но онъ поступилъ иначе. Отмѣтивъ совершенно вѣрно выдающееся значеніе быстроты въ отправлении уголовнаго правосудія по мелкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, онъ не призналъ ее принципомъ уголовно-судебнаго права. Напротивъ, въ одномъ мѣстѣ онъ назвалъ ее однимъ изъ требованій, предъявляемыхъ теоріей ко всякому процессу (с. 5.), въ другомъ — критеріемъ первостепенной важности для оцѣнки процессуальныхъ институтовъ въ области уголовнаго правосудія по мелкимъ уголов-

нымъ правонарушеніямъ (с. 9.) и въ третьемъ — однимъ изъ факторовъ, подъ влияніемъ которыхъ основные принципы уголовного процесса „видоизмѣняются, нисколько не теряя отъ этого своего характера“ (с. 10.).

Признавъ выдающееся значеніе быстроты въ отправлениі уголовного правосудія по мелкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, г. Михайловскій въ то же время признаетъ, что „съ другой стороны безусловно необходимы всѣ основныя гарантіи правосудія“ (с. 9.) и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что „основные принципы уголовного процесса одни и тѣ же какъ для общаго, такъ и для суммарнаго порядковъ“. „Все отличіе послѣдняго порядка, говоритъ г. Михайловскій (с. 10.), состоитъ въ томъ, что въ немъ эти принципы подъ влияніемъ двухъ указанныхъ выше факторовъ (— быстрота и простота производства —) видоизмѣняются, нисколько не теряя отъ этого своего характера“.

Употребляя выраженіе „основные принципы уголовного процесса“ (с. 10.), г. Михайловскій вовсе не объясняетъ, что именно онъ подразумѣваетъ подъ этимъ названіемъ. Судя же по словамъ автора объ этихъ принципахъ во второй изъ только что приведенныхъ фразъ, нельзя не признать, что онъ имѣеть неправильное понятіе объ этихъ принципахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, принципомъ называется какая-нибудь общая мысль или какое-нибудь общее правило, проходящее черезъ цѣлый рядъ какихъ-нибудь явлений.

Принципы раздѣляются на основные и производные.

Основнымъ принципомъ называется такая идея, которая выражаетъ собою отдельное самобытное общее правило. Производнымъ же принципомъ называется такая идея, которая выражаетъ собою не отдельное самобытное общее правило, но только обобщеніе нѣкоторыхъ требованій какого-нибудь самобытнаго общаго правила или обобщеніе требованій, взятыхъ отъ нѣсколькихъ самобытныхъ общихъ правилъ, въ виду какой-нибудь объединяющей цѣли или какихъ-нибудь другихъ объединяющихъ обстоятельствъ.

Уголовно-судебное право также имѣть свои принципы. Они также раздѣляются на основные и производные.

Основными принципами уголовно-судебного права называются такія идеи, каждая изъ которыхъ выражаетъ собою отдельное самобытное общее правило, проходящее черезъ цѣлый рядъ постановлений этого права. Основныя начала или основные принципы уголовно-судебного права, это — тѣ принципы, которые не сводятся одинъ къ другому, но сводятъ къ себѣ всѣ прочіе принципы уголовно-судебного права.

Производными же принципами уголовно-судебного права называются такія идеи, каждая изъ которыхъ выражаетъ собою лишь одно изъ двухъ: или обобщеніе нѣкоторыхъ требованій какого-нибудь изъ самобытныхъ общихъ правилъ уголовно-судебного права, или обобщеніе требованій, взятыхъ отъ нѣсколькихъ самобытныхъ общихъ правилъ уголовно-судебного права, въ виду какой-нибудь объединяющей цѣли или какихъ-нибудь другихъ объединяющихъ обстоятельствъ.

Уголовно-судебное право, установленное культурнымъ государствомъ въ полномъ соотвѣтствии съ потребностями и условіями жизни своего культурнаго народа, имѣть только четыре основныхъ принципа. Таковы — 1) поддержаніе и возможно большее увеличеніе всесторонняго народнаго благосостоянія, материальнаго и духовнаго, 2) единство, 3) цѣлесообразность и 4) сообразность устроившаго средства со свойствами того строительнаго матерьяла, изъ котораго оно устраивается, или, если можно такъ выразиться, матерьялосообразность. Первый изъ этихъ четырехъ основныхъ принциповъ является не только основнымъ, но и руководящимъ.

За исключеніемъ этихъ четырехъ основныхъ принциповъ, всѣ другіе принципы этого права являются только производными. Напр., принципъ основательности уголовнаго правосудія есть не что иное, какъ выраженіе одного изъ тѣхъ качествъ, которыми должно обладать уголовное правосудіе, чтобы быть дѣйствительнымъ, чуждымъ противорѣчій, цѣлесообразнымъ средствомъ въ борьбѣ культурнаго государства противъ уго-

ловныхъ правонарушений за господство правового порядка, съ постояннымъ соблюдениемъ надлежащаго ограждения личности отъ излишнихъ стѣсненій. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о принципѣ правомѣрности уголовнаго правосудія.

Послѣ этихъ объясненій становится ясно, гдѣ въ словахъ г. Михайловскаго находится ошибка. „Основные принципы уголовнаго процесса, говорить онъ (с. 10.), одни и тѣ же какъ для общаго, такъ и для суммарнаго порядковъ. Все отличіе послѣдняго порядка состоитъ въ томъ, что въ немъ эти принципы подъ вліяніемъ двухъ указанныхъ выше факторовъ (— быстрота и простота производства —) видоизмѣняются, нисколько не теряя отъ этого своего характера“. Имѣя правильное понятіе объ основныхъ принципахъ уголовно-судебнаго права, можно сказать вмѣстѣ съ г. Михайловскимъ первую изъ этихъ фразъ, но сказать второй нельзя. Произнесеніе ея доказываетъ лишь отсутствіе правильнаго понятія объ этихъ принципахъ: быстрота и простота производства нисколько не видоизмѣняютъ основныхъ принциповъ уголовно-судебнаго права, а, слѣдовательно, и уголовнаго процесса, но сами служатъ одними изъ средствъ къ проведенію этихъ принциповъ въ уголовно-судебномъ правѣ или уголовномъ процессѣ.

Что касается принциповъ основательности и правомѣрности уголовнаго правосудія, то г. Михайловскій не упоминаетъ объ ихъ существованіи.

Объ основныхъ гарантіяхъ правосудія онъ говоритъ (с. 9.) и разумѣеть, по видимому, подъ ними формы и обряды, гарантирующіе открытие истины (с. 7.).

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую недомолвку со стороны г. Михайловскаго. Высказавъ (с. 7.), что „уголовный процессъ немыслимъ безъ соблюденія цѣлаго ряда болѣе или менѣе сложныхъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ открытие истины“, авторъ не находитъ нужнымъ давать какія-нибудь разъясненія по поводу истины въ уголовномъ процессѣ, а между тѣмъ разъясненіе этого вопроса является необходимымъ, когда рѣчь идетъ о реформахъ уголовнаго процесса.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія, что въ уголовномъ процессѣ по каждому уголовному дѣлу необходимо не открытие истины вообще, но открытие истины по отношенію къ вопросамъ виновности т. е. вопросамъ о томъ, учинено ли дѣяніе, имѣющее признаки преступленія, учинилъ это дѣяніе обвиняемый и виновенъ ли онъ.

Далѣе, нельзя не указать, что уголовный процессъ вовсе не исчерпывается открытиемъ истины по отношенію къ вопросамъ виновности. Въ уголовномъ процессѣ необходимо не только решить вопросы о виновности обвиняемаго, но, соответственно ихъ решенію, решить и вопросы объ уголовной ответственности этого лица.

Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что въ литературѣ встрѣчается важное разногласіе во взглядахъ относительно предѣловъ раскрытия истины по вопросамъ виновности обвиняемаго.

Такъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ, напр., Планка¹⁾, эта истина должна быть раскрыта на столько, на сколько это предоставлено сторонамъ и ихъ благоусмотрѣнію.

По мнѣнію другихъ ученыхъ, напр., Ортлофа²⁾, Фойницкаго³⁾, она должна быть раскрыта во всей полнотѣ.

Наконецъ, по мнѣнію третьихъ, напр., Эли⁴⁾, истина по вопросамъ виновности обвиняемаго должна быть раскрыта въ уголовномъ процессѣ на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы уголовный судъ приобрѣть возможность решить

1) J. W. Planck — Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens auf Grundlage der neueren Strafprozessordnungen seit 1848. Göttingen. 1857. S. 147—148; 150—151; 153; 169 („Im Anklageprozess sollen die Parteien den zur Aburtheilung erforderlichen Stoff dem Gericht nach eigenem Gutdünken vorlegen“); 172.

2) H. Ortloff — Das Strafverfahren in seinen leitenden Grundsätzen und Hauptformen. Jena. 1858. S. 34—35.

3) И. Я. Фойницкій — Курсъ уголовнаго судопроизводства. С.-Петербургъ. 1896. Издание 2. Томъ I. с. 8.

4) F. Hélie — Traité d'instruction criminelle. Bruxelles. 1863. Tome I. § 8.

вопросы о виновности и уголовной ответственности обвиняемого въ уголовномъ правонарушениі и при томъ решить согласно логикѣ и закону.

Ученые перваго разряда являются сторонниками такъ называемой формальной истины въ уголовномъ процессѣ, ученые второго — такъ называемой материальной истины, а ученые третьяго — юридической или судебнай.

При такомъ различіи взглядовъ, и г. Михайловскому слѣдовало бы высказаться, какую истину онъ имѣть въ виду, когда говорить (с. 7.), что „уголовный процессъ немыслимъ безъ соблюденія цѣлаго ряда болѣе или менѣе сложныхъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ открытие истины“.

Придя къ заключенію, что „основные принципы уголовнаго процесса одни и тѣ же какъ для общаго, такъ и для суммарнаго порядковъ“ и что „все отличіе послѣдняго порядка состоитъ въ томъ, что въ немъ эти принципы подъ влияніемъ“ быстроты и простоты производства „видоизмѣняются, нисколько не теряя отъ этого своего характера“, г. Михайловскій задается вопросами, въ достаточной ли степени суммарный „процессъ выполняетъ свою задачу и не нуждается ли онъ въ реформахъ въ смыслѣ еще большаго упрощенія и достижения еще большей быстроты производства“ (с. 11.). Рѣшивъ первый изъ этихъ вопросовъ отрицательно, а второй — утвердительно, авторъ указываетъ, что „въ результатѣ недовольства существующимъ суммарнымъ процессомъ западноевропейское положительное право выработало нѣсколько институтовъ, расчетанныхъ на достижение большей скорости репрессіи мелкихъ уголовныхъ правонарушений, и большей простоты производства, чѣмъ это возможно въ суммарномъ процессѣ“. „Институты эти, говоритъ онъ (с. 12.), слѣдующіе: 1. Наложеніе на обвиняемаго наказанія не судомъ, а полиціей (или прокуратурой), съ правомъ не подчиняться означенному распоряженію и требовать судебнаго разбирательства на общемъ основаніи; 2. Добровольная уплата обвиняемымъ штрафа и устраненіе вслѣдствіе этого судебнаго разбирательства; 3. Су-

дебные карательные приказы безъ разбирательства дѣла и 4. Судебное разбирательство дѣла въ порядкѣ неотложности". Этимъ г. Михайловскій заканчиваетъ свое введеніе и переходитъ къ разсмотрѣнію этихъ институтовъ.

Во второй части своего сочиненія (с. 12—16.) г. Михайловскій рассматриваетъ институтъ, состоящій въ надѣленіи полиціи правомъ наложенія наказаній на обвиняемыхъ въ мелкихъ уголовныхъ правонарушеніяхъ, съ предоставленіемъ права этимъ лицамъ не подчиняться этимъ карательнымъ приказамъ полиціи и въ теченіе законнаго срока требовать судебнаго разбирательства на общемъ основаніи. Г. Михайловскій отвергаетъ этотъ институтъ и приводить въ пользу своего отрицательнаго мнѣнія вѣскія соображенія, но, къ сожалѣнію, иногда увлекается и провозглашаетъ такія положенія, которыя не соответствуютъ дѣйствительности. Напр., онъ говоритъ (с. 13.), что „институтъ этотъ находится въ противорѣчіи съ однимъ изъ устоевъ современного правового государства, съ великимъ принципомъ, по которому никакая принудительная мѣра не можетъ быть принята противъ гражданина иначе, какъ по предписанію суда, дѣйствующаго съ соблюденіемъ всѣхъ гарантій правосудія“. А между тѣмъ ни одно изъ культурныхъ государствъ не только не провозглашаетъ такого принципа, но и провозгласить не можетъ, такъ какъ иначе оно несомнѣнно и рѣзко нарушитъ интересы правового порядка и народнаго благосостоянія къ явной выгодѣ воровъ, разбойниковъ и всевозможныхъ преступниковъ. Вѣдь, тогда полиція не имѣть права арестовать ни одного преступника безъ предварительного постановленія суда.

Точно также нельзя не отмѣтить нѣкоторой неправильности въ заявлениі автора (с. 15.), что „репрессія для того, чтобы быть дѣйствительной, должна слагаться изъ двухъ одинаково необходимыхъ элементовъ — быстроты и строгости наказанія“. Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду неизбѣжность наказанія.

Третья часть сочиненія (с. 16—18.) посвящена г. Михайловскимъ институту устраненія судебнаго разбирательства

путемъ добровольной уплаты обвиняемымъ денежного штрафа въ высшемъ размѣрѣ за мелкое уголовное правонарушеніе, обложенное по закону только денежнымъ штрафомъ. Г. Михайловскій относится къ этому институту отрицательно и приводить свои соображенія; но согласиться съ этимъ взглядомъ не возможно.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что культурное государство, составляя свои уголовные законы, распредѣляетъ наказанія по уголовнымъ правонарушеніямъ не случайно, но на основаніи сравнительной тяжести этихъ правонарушеній, съ соблюденiemъ принципа сравнительной соразмѣрности между тяжестью правонарушенія и тяжестью наказанія. Если государство положило за данное уголовное правонарушеніе только денежный штрафъ; это значитъ, что государство признало это правонарушеніе легкимъ проступкомъ, не подлежащимъ, при состоятельности виновнаго, никакому наказанію, поражающему самоб личность виновнаго. При такихъ условіяхъ, добровольная уплата виновнымъ денежного штрафа въ высшемъ его размѣрѣ, узаконенному за такое уголовное правонарушеніе, устраниетъ всякое основаніе къ разбирательству и рѣшенію этого дѣла уголовнымъ судомъ по существу.

Въ самомъ дѣлѣ, если виновный самъ добровольно осуждаетъ себя и приводить въ исполненіе такой денежный штрафъ, выше которого судъ не имѣеть права присудить за данное уголовное правонарушеніе; то, при маловажности проступка и легкости наказанія, нѣть никакой надобности въ судебнѣмъ разбирательствѣ и рѣшеніи этого дѣла по существу, ни съ точки зрењія правильно понимаемыхъ интересовъ уголовнаго правосудія, ни съ точки зрењія интересовъ усиленной борьбы противъ уголовнаго правонарушенія посредствомъ наказанія. Публичное же разбирательство дѣла уголовнымъ судомъ не для опредѣленія виновности и уголовной отвѣтственности, но для „оглашенія проступка и сопровождавшихъ его обстоятельствъ“, при маловажности проступка, совершенно не требуется общественными интересами, хотя г. Михайловскій и держится другого взгляда (с. 17.).

Далѣе, на судебное разбирательство и рѣшеніе такого дѣла по существу государство должно будетъ произвести нѣкоторую затрату имущественныхъ народныхъ средствъ и человѣческаго труда; а эта затрата, при своей непроизводительности и при современной недостаточности народныхъ средствъ на полное удовлетвореніе всѣхъ народныхъ потребностей во всѣхъ культурныхъ государствахъ нашего времени, будетъ явнымъ нарушеніемъ принципа бережливости народныхъ средствъ при удовлетвореніи народныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ итогѣ, народное благосостояніе не только ничего не выиграетъ отъ судебнаго разбирательства дѣла, вопреки готовности обвиняемаго къ добровольной уплатѣ денежнаго штрафа въ высшемъ размѣрѣ, но только проиграетъ.

Хотя г. Михайловскій и справедливо указываетъ (с. 16—17.), что институтъ добровольной уплаты обвиняемымъ денежнаго штрафа въ высшемъ размѣрѣ не имѣть и не можетъ имѣть широкаго распространенія; тѣмъ не менѣе это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ къ отрицанію разумнаго учрежденія, вполнѣ соотвѣтствующаго интересамъ благосостоянія культурнаго народа.

Выступая съ своими возраженіями, г. Михайловскій говоритъ (с. 17.), „что рассматриваемый институтъ вносить неравенство въ юридическую жизнь: въ то время какъ зажиточный человѣкъ имѣть полную возможность не допустить, чтобы совершенный имъ проступокъ сдѣлся предметомъ судебнаго разсмотрѣнія, бѣднякъ лишенъ этой возможности“.

Это возраженіе совершенно не выдерживаетъ критики, съ точки зрѣнія уголовной политики, руководимой интересами народнаго благосостоянія.

Въ самомъ дѣлѣ, денежные штрафы принадлежать къ числу наказаній, имѣющихъ нѣкоторую сдерживающую силу.

Въ настоящее время денежные штрафы имѣютъ большую распространенность во всѣхъ культурныхъ государствахъ, при чёмъ въ однихъ государствахъ, какъ напр., въ Англіи, зани-

маютъ первое мѣсто по распространенности въ ряду всѣхъ прочихъ наказаній, а въ другихъ государствахъ, какъ напр., въ Австріи — второе.

Отказываясь отъ помѣщенія денежныхъ штрафовъ въ лѣстницу наказаній, культурное государство должно будеть замѣнить эти штрафы соотвѣтствующими легкими наказаніями, поражающими самоѣ личность правонарушителя.

Въ распоряженіи культурнаго государства есть только одно такое наказаніе, которое поражаетъ самоѣ личность правонарушителя и подходитъ къ денежному штрафу, хотя и превышаетъ его по своей сравнительной тяжести, это — арестъ.

Замѣна денежныхъ штрафовъ арестомъ повлечетъ такую громадную затрату народныхъ средствъ, которой ни одно изъ современныхъ культурныхъ государствъ не въ состояніи произвести безъ крайняго вреда для народнаго благосостоянія.

Кромѣ того, замѣна болѣе легкаго наказанія менѣе легкимъ нарушить во множествѣ случаевъ и принципъ соразмѣрности наказанія съ виновностью.

Наконецъ, имущественная несостоятельность одного преступника и необходимость замѣны для него имущественного наказанія арестомъ вовсе не можетъ оправдать замѣны денежныхъ штрафовъ арестомъ для всѣхъ состоятельныхъ преступниковъ.

При такомъ положеніи вещей, становится ясно, что можно сожалѣть обѣ имущественномъ неравенствѣ правонарушителей, но, относясь съ уваженіемъ къ интересамъ народнаго благосостоянія при устройствѣ правомѣрной борьбы культурнаго государства съ уголовнымъ правонарушениемъ, нельзя признавать этого неравенства основаніемъ къ исключепію денежныхъ штрафовъ изъ лѣстницы наказаній. А если такъ, то нельзя признать это неравенство и основаніемъ къ отрицанію разматриваемаго института добровольной уплаты обвиняемымъ денежнаго штрафа.

Что же касается до послѣдняго возраженія, выставленнаго г. Михайловскимъ противъ этого института; то оно является результатомъ недоразумѣнія. Г. Михайловскій ставить въ

вину этому институту то обстоятельство, что при немъ „можно представить себѣ случай, когда слишкомъ робкій и незнакомый со своими правами человѣкъ уплачиваетъ высшій размѣръ штрафа, а между тѣмъ при судебнѣмъ разбирательствѣ дѣла могъ бы быть назначенъ минимальный штрафъ или даже постановленъ оправдательный приговоръ“ (с. 17.). Если мы хотимъ дѣйствительно соблюсти интересы обвиняемаго; то не должны дѣлать за него выбора, а должны предоставить ему самому на выборъ, идти ли подъ судъ или добровольно платить штрафъ безъ суда. Для порядочнаго человѣка, слишкомъ совѣстливаго, совершившаго какой нибудь мелкій проступокъ подъ вліяніемъ вспышки негодованія или другихъ обстоятельствъ, гораздо лучше добровольно уплатить штрафъ безъ суда, чѣмъ идти подъ судъ и ждать даже оправданія на скамье подсудимыхъ. А эта совѣстливость достойна глубокаго уваженія, но никакъ не пренебреженія, при оцѣнкѣ интересовъ обвиняемаго.

Въ четвертой части сочиненія (с. 18—28.) г. Михайловскій рассматриваетъ институтъ судебныхъ карательныхъ приказовъ. Сущность этого института состоитъ въ томъ, что судья, не производя разбирательства и решенія относительно маловажнаго уголовнаго правонарушенія по существу, назначаетъ обвиняемому легкое наказаніе не выше краткосрочнаго (мѣсячнаго или полуторамѣсячнаго) ареста. Судья назначаетъ это наказаніе: или по предложению прокуратуры, какъ это узаконено въ Германіи (*Strafprozessordnung § 447.*), или по собственному усмотрѣнію, какъ это предположено въ нашемъ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства (ст. 1161.), когда судья усмотритъ „изъ поступившихъ къ нему сообщеній полиціи, присутственныхъ мѣсть и должностныхъ лицъ достаточныя, не возбуждающія сомнѣнія, доказательства обвиненія“ (ст. 1161.). Если этотъ карательный приказъ не обжалованъ въ теченіе семи дней послѣ его объявленія; то онъ вступаетъ въ законную силу и приводится въ исполненіе. Въ случаѣ же надлежащаго обжалованія въ теченіе семидневнаго срока, этотъ приказъ теряетъ силу, и дѣло подле-

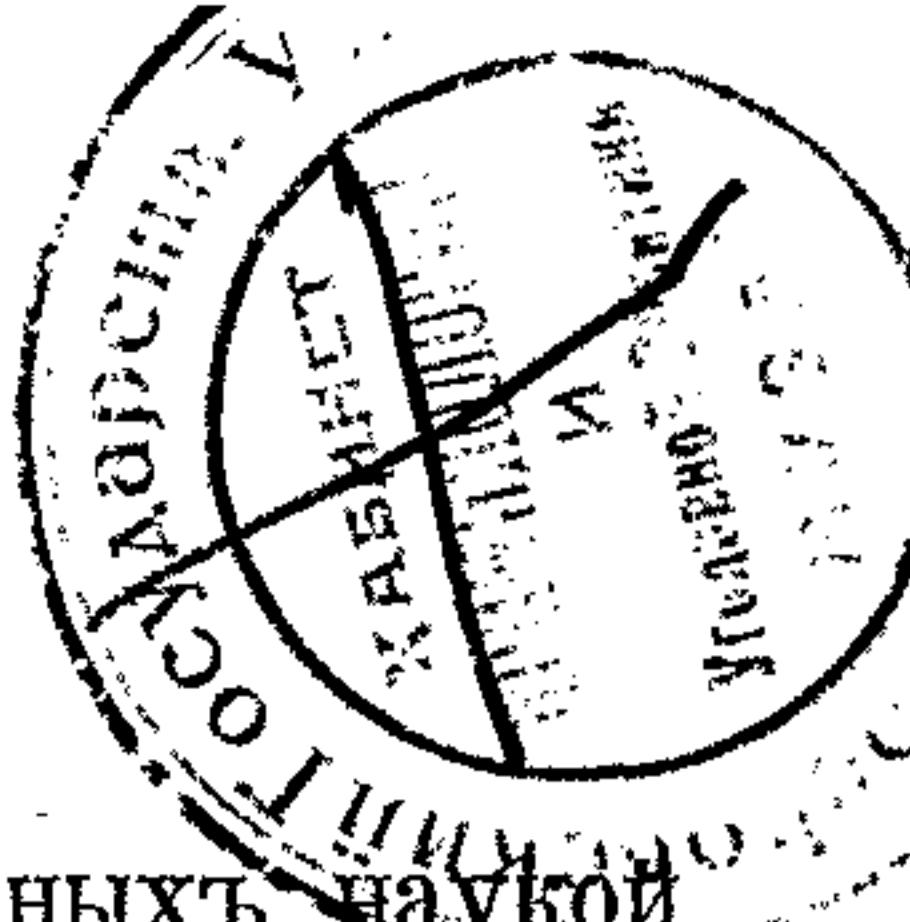
житъ судебному разбирательству и рѣшенію обыкновеннымъ порядкомъ.

Г. Михайловскій рассматриваетъ доводы за и противъ судебныхъ карательныхъ приказовъ и въ концѣ концовъ приходитъ къ отрицательному рѣшенію. Онъ отвергаетъ институтъ судебныхъ карательныхъ приказовъ вообще, отвергаетъ его въ его усовершенствованномъ германскомъ устройствѣ и въ особенности вооружается противъ этого института въ его проектированномъ упрощенномъ русскомъ строѣ. Съ этимъ отрицательнымъ рѣшеніемъ нельзя не согласиться.

Въ самомъ дѣлѣ, при безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя не признать, что основательность и правомѣрность уголовнаго правосудія гораздо болѣе обеспечены въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ судья постановляетъ свои приговоры по уголовнымъ дѣламъ, на основаніи судебнаго разбирательства этихъ дѣлъ по существу, въ присутствіи или даже въ отсутствіи обвиняемыхъ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ издаетъ свои карательные приказы по уголовнымъ дѣламъ, безъ судебнаго разбирательства этихъ дѣлъ по существу. А при такихъ условіяхъ, какъ опредѣленіе учиненного уголовнаго правонарушенія и виновности учинителя, такъ и назначеніе соразмѣрнаго уравнительнаго наказанія необходимо будетъ гораздо правильнѣе въ судебныхъ приговорахъ, чѣмъ въ судебныхъ карательныхъ приказахъ, какъ съ точки зрењія дѣйствительныхъ правомѣрныхъ интересовъ поддержки господства права надъ уголовнымъ правонарушеніемъ, такъ и съ точки зрењія дѣйствительныхъ правомѣрныхъ интересовъ огражденія личности отъ излишнихъ стѣсненій, при поддержаніи этого господства.

Въ этомъ направленіи высказывается и г. Михайловскій, но только съ нѣкоторыми преувеличеніями и неясностями.

Институтъ судебныхъ карательныхъ приказовъ, говоритъ г. Михайловскій (с. 21—22.), „колеблетъ величайшій изъ принциповъ общежитія, принципъ, по которому гражданинъ можетъ быть принудительнымъ путемъ подвергнутъ стѣсненію или ограниченію своихъ правъ только независимымъ и авторитет-

нымъ судомъ при соблюдениі всѣхъ выработанныхъ наукой гарантій правосудія". А между тѣмъ этотъ принципъ, провозглашенный г. Михайловскимъ такъ рѣшительно и безъ всякихъ ограниченій, представляеть собой несомнѣнное преувеличеніе. Такого принципа не признаетъ и не можетъ признать ни одно культурное государство, если только оно дѣйствительно дорожить благосостояніемъ своего народа. Этотъ принципъ создаетъ въ пользу суда полную монополію распоряженія принудительными мѣрами въ борьбѣ противъ уголовныхъ правонарушеній и отнимаетъ у полиціи всякое право самостоятельно, безъ предварительного разрѣшенія со стороны суда, принимать какія бы то ни было принудительныя мѣры къ предупрежденію грозящихъ уголовныхъ правонарушеній или къ пресѣченію происходящихъ или ловить и арестовывать преступниковъ.

„Не только потому, продолжаетъ авторъ (с. 22.), судъ считается единственнымъ органомъ для осуществленія столь опаснаго права государства, какъ право карательное, что онъ обладаетъ независимостью отъ правительства, авторитетомъ, знаніемъ и опытомъ, но и потому, что дѣятельность его обставлена цѣлымъ рядомъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ какъ уваженіе къ личности подсудимаго, такъ и достиженіе конечной цѣли уголовнаго процесса. Наложеніе наказанія безъ соблюденія этихъ формъ и обрядовъ будетъ актомъ произвола, отъ кого бы ни исходилъ такой актъ: дѣло нисколько не менѣется отъ того, что карательный приказъ постановленъ не полиціей, или прокуратурой, а судомъ“. Было бы гораздо яснѣе и проще, если бы авторъ не говорилъ, что дѣятельность суда обставлена цѣлымъ рядомъ формъ и обрядовъ, гарантирующихъ достиженіе конечной цѣли уголовнаго процесса, а сказалъ бы, что дѣятельность суда обставлена цѣлымъ рядомъ условій, обеспечивающихъ присутствіе основательности и правомѣрности въ рѣшеніи вопросовъ о виновности и уголовной отвѣтственности обвиняемаго. Авторъ же ни разу не упоминаетъ о принципахъ основательности и правомѣрности уголовнаго правосудія и совершенно не опре-

дѣлаетъ, въ чёмъ собственно состоитъ конечная цѣль уголовнаго процесса.

За то г. Михайловскій совершенно вѣрно указываетъ, что обвинительные приговоры, постановляемые уголовными судами на основаніи судебнаго разбирательства уголовныхъ дѣлъ по существу, могутъ оказать гораздо больше дѣйствія въ дѣлѣ подавленія уголовныхъ правонарушеній, чѣмъ судебные карательные приказы. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ (с. 20.), что можетъ произвести большій эффектъ въ смыслѣ возстановленія авторитета закона: вручение обвиняемому копіи карательного приказа съ его по необходимости ограниченными размѣрами наказанія, при полной неизвѣстности этого акта никому, кроме обвиняемаго, или публичное произнесеніе судомъ обвинительного приговора послѣ раскрытия всѣхъ обстоятельствъ дѣла съ назначеніемъ наказанія не гадательно, а дѣйствительно соотвѣтственно винѣ обвиняемаго? Едва ли тутъ возможны два мнѣнія“.

Далѣе, г. Михайловскій совершенно вѣрно отмѣчаетъ (с. 20 ; 21 ; 25—26.), что учрежденіе судебныхъ карательныхъ приказовъ поведетъ въ концѣ концовъ въ общемъ итогѣ не къ сокращенію, а къ увеличенію дѣлопроизводства въ уголовныхъ судахъ, пользующихся правомъ карательныхъ приказовъ, и слѣдовательно, не къ облегченію, а къ обремененію уголовныхъ судовъ и не къ ускоренію, а къ замедленію уголовнаго правосудія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ статистику карательныхъ постановленій по акцизному вѣдомству, приведенную г. Михайловскимъ за 1887-й, 1888-й и 1889-й годъ, опредѣлимъ по ней: 1) сумму всѣхъ карательныхъ постановленій по акцизному вѣдомству за эти три года ($38234 + 34970 + 30050 = 103254$), 2) сумму карательныхъ постановленій акцизнаго вѣдомства за эти три года обжалованныхъ суду ($28060 + 22912 + 18819 = 69791$) и 3) сумму карательныхъ постановленій по этому вѣдомству за эти годы, не обжалованныхъ суду ($10174 + 12058 + 11231 = 33463$) и сравнимъ эти суммы; то тотчасъ увидимъ, что въ общей трехлѣтней сложности около

одной трети изъ карательныхъ постановленій по акцизному вѣдомству вступило въ законную силу, а около двухъ третей подверглось обжалованію и повлекло за собой судебное разбирательство дѣль по существу. Если предположить, что та же участь постигнетъ у насть судебные карательные приказы, а это предположеніе отличается вѣроятностью; то можно разсчитывать, что только около одной трети изъ этихъ приказовъ будетъ входить въ законную силу, а около двухъ третей будетъ вызывать обжалованіе и судебное разбирательство уголовныхъ дѣль въ судахъ первой инстанціи по существу. При такомъ разсчетѣ, двѣ трети судебныхъ карательныхъ приказовъ, постановляемыхъ въ теченіе года, и будутъ составлять приблизительно тотъ грузъ, который будетъ увеличивать каждый годъ дѣлопроизводство уголовныхъ судовъ первой инстанціи по маловажнымъ уголовнымъ правонарушеніямъ, обременять совершенно напрасно силы этихъ судовъ и не только напрасно, но даже вредно замедлять и ухудшать уголовное правосудіе.

Наконецъ, нельзя не сказать, что надѣленіе судьи правомъ изданія карательныхъ приказовъ по собственному усмотрѣнію или почину произведетъ не только бесполезное, но даже вредное увеличеніе обвинительной функціи уголовного судьи. Въ самомъ дѣлѣ, каждый уголовный судья первой инстанціи въ культурномъ государствѣ имѣть одну главную функцію. Ею служить судейская функція. Но кромѣ нея онъ имѣть еще двѣ добавочные функціи: обвинительную и защитительную. Онъ предоставлены ему для того, чтобы, въ случаѣ неудовлетворительного выполненія какой-нибудь изъ нихъ соотвѣтствующимъ органомъ обвиненія или защиты, дать возможность судью исправить важное упущеніе, сдѣланное этимъ органомъ, и разъяснить дѣло на столько, на сколько это необходимо для открытія возможности судью къ добросовѣстному постановленію основательного и правомѣрного рѣшенія по уголовному дѣлу. Надѣленіе же судьи правомъ изданія карательныхъ приказовъ по собственному почину расширить и увеличить обвинительную функцію судьи за предѣлы дѣйствительной необходимости въ

ущербъ защитительной функціи и въ особенности судейской. А между тѣмъ, при несомнѣнной трудности совмѣщенія судейской функціи, даже въ качествѣ главной, съ обвинительной и защитительной, какъ добавочными, необходимо, въ интересахъ основательности, правомѣрности, быстроты и успѣшности уголовного правосудія, тщательно оберегать судью отъ расширенія и увеличенія этихъ добавочныхъ функцій за предѣлы необходимаго минимума.

Къ сожалѣнію, г. Михайловскій впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе и въ этомъ вопросѣ. Отрицая надѣленіе судьи правомъ изданія карательныхъ приказовъ по личной ініціативѣ, г. Михайловскій (с. 27—28.) отвергаетъ это учрежденіе между прочимъ потому, что оно повлечетъ уклоненіе судьи „отъ чисто судейской роли“ „въ сторону обвиненія“; между тѣмъ какъ судья, по мнѣнію автора, долженъ обладать только судейской функціей. Эта мысль рѣзко подчеркнута словами автора, что „забота о поддержаніи обвинительного принципа, этой лучшей гарантіи судейского безпристрастія, во всей его чистотѣ является одной изъ важнѣйшихъ обязанностей законодателя, и въ особенности у насъ“. Поддержаніе обвинительного принципа во всей его чистотѣ есть не что иное, какъ проведеніе такой системы уголовного судопроизводства, въ которой обвинительная, защитительная и судейская функціи по одному и тому же уголовному дѣлу постоянно вполнѣ отдѣлены другъ отъ друга и ввѣрены порознь тремъ различнымъ органамъ: обвинительная — органу обвиненія, защитительная — органу защиты и судейская — суду. Такой системы уголовного судопроизводства нѣтъ, однако, въ настоящее время ни въ одномъ культурномъ государствѣ, да и не будетъ до тѣхъ поръ, пока культурные государства, опредѣляя функціи уголовнаго суда, будутъ руководствоваться интересами уголовного правосудія и народнаго благосостоянія. Изъ уваженія къ этимъ интересамъ открывается настоятельная надобность въ представлениі уголовному суду какъ обвинительной, такъ и защитительной функціи въ нѣкоторыхъ ограниченныхъ размѣ-

рахъ, въ качествѣ добавочныхъ функцій, сверхъ главной функціи, судейской.

Въ пятой части сочиненія г. Михайловскаго (с. 28—32.) говоритьъ объ учрежденіи, известномъ подъ именемъ судебнаго разбирательства уголовныхъ дѣлъ въ порядкѣ неотложности. Сущность этого института состоитъ въ слѣдующемъ. Прокуратурѣ или полиціи предоставляется въ известныхъ случаяхъ право задерживать обвиняемаго, застигнутаго при учиненіи уголовнаго правонарушенія, и приглашать или даже приводить это лицо немедленно въ судъ, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ въ судъ и свидѣтелей, подъ угрозой наказанія за неявку. Суду же вмѣняется въ обязанность немедленно, по приводѣ обвиняемаго, производить разбирательство и рѣшеніе дѣла, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обвиняемый просить объ отсрочкѣ разбирательства или самъ судъ, находя дѣло недостаточно подготовленнымъ къ разбирательству, признаетъ необходимымъ отсрочить засѣданіе.

Г. Михайловскій относится къ этому институту отрицательно и приводитъ въ подтвержденіе своего взгляда вѣскія соображенія.

Прежде всего авторъ справедливо указываетъ (с. 29.), что этотъ институтъ не можетъ произвести большого ускоренія въ отправленіи уголовнаго правосудія по маловажнымъ уголовнымъ правонарушеніямъ, такъ какъ судъ обязанъ отсрочивать разбирательство дѣла каждый разъ, какъ только обвиняемый просить объ отсрочкѣ или самъ судъ находитъ дѣло недостаточно подготовленнымъ къ разбирательству.

Далѣе, авторъ отмѣчаетъ (с. 31.), что этотъ институтъ, обязывая обвиняемаго и свидѣтелей, при маловажныхъ правонарушеніяхъ, немедленно по приглашенію полиціи являться въ судъ и позволяя полиціи даже производить приводъ обвиняемаго, налагаетъ на этихъ лицъ слишкомъ сильное стѣсненіе, не оправдываемое важностью дѣла, и напрасно расширяетъ полномочія полиціи во вредъ огражденію личности.

Наконецъ, авторъ подчеркиваетъ (с. 31—32.), что этотъ

институтъ, надѣляя полицію правомъ нарушать очередь разбирательства уголовныхъ дѣлъ, установленную на засѣданіе судомъ, ставить полицію въ положеніе, не соотвѣтствующее ея отношенію къ суду. Къ этому слѣдовало бы добавить, что надѣленіе полиціи такимъ правомъ могло бы нарушать правомѣрные интересы обвиняемыхъ и обвинителей по другимъ уголовнымъ дѣламъ, задерживаемымъ въ разбирательствѣ, вопреки очереди, предоставленной имъ со стороны суда.

Что же касается утвержденій г. Михайловскаго, что разборъ уголовнаго дѣла мировымъ судьею немедленно по приводѣ обвиняемаго полиціею не согласенъ съ нашимъ закономъ (Уставъ уголовнаго судопроизводства ст. 51.); то эти утвержденія являются результатомъ недоразумѣнія. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить текстъ трехъ статей нашего устава уголовнаго судопроизводства: 42-й, 50-й и 51-й.

42-я статья говоритъ: „Мировой Судья приступаетъ къ разбирательству дѣлъ: . . . 2) по сообщеніямъ полицейскихъ . . . властей“.

50-я статья постановляетъ: „Въ сообщеніяхъ Мировому Судью, какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, полицейскія и другія административныя власти должны указывать:

- 1) когда и гдѣ преступное дѣяніе совершено;
- 2) на кого падаетъ подозрѣніе и какія на то есть доказательства;
- 3) имѣются ли въ виду гражданскій истецъ или свидѣтели, и
- 4) мѣсто жительства всѣхъ означенныхъ лицъ“.

51-я статья добавляетъ: „При сообщеніи Мировому Судью о преступномъ дѣйствіи, обвиняемый можетъ быть приводимъ въ слѣдующихъ случаяхъ“ . . .

Изъ сопоставленія этихъ статей устава уголовнаго судопроизводства очевидно, что мировой судья имѣть полное право приступить къ разбирательству уголовнаго дѣла немедленно по приводѣ обвиняемаго полиціею, если полиція, приведя обвиняемаго, сдѣлаетъ судью законное сообщеніе о проступкѣ

этого лица, а судья найдетъ возможнымъ произвести немедленное разбирательство дѣла на основаніи представленныхъ доказательствъ.

Заканчивая обзоръ изслѣдованія г. Михайловскаго относительно четырехъ только что разсмотрѣнныхъ институтовъ, предназначенныхъ служить средствами къ сокращенію отправленія уголовнаго правосудія по легкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, нельзя не пожалѣть, что авторъ не указалъ литературы этихъ институтовъ и не отмѣтилъ даже такой обстоятельной монографіи съ литературными указаніями какъ докладъ д-ра Рихарда Катценштейна IX-му съѣзду Международнаго Союза Криминалистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1902 году (Dr. Richard Katzenstein — Das richterliche Strafmandat. Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal. Dixième volume. Livraison 1. Berlin 1902. p. 159—257.).

Точно также нельзя не пожалѣть, что г. Михайловскій, говоря о существованіи этихъ институтовъ въ разныхъ законодательствахъ и законодательныхъ проектахъ обыкновенно не указываетъ не только статей, но даже и названія тѣхъ законовъ и проектовъ, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этихъ институтахъ.

Придя къ выводу, „что всѣ разсмотрѣнные институты, разсчитанные на достиженіе большой скорости и простоты суммарнаго процесса, не достигаютъ своей цѣли и не соотвѣтствуютъ основнымъ принципамъ современнаго процесса“ (с. 32.), г. Михайловскій переходитъ къ послѣдней шестой части сочиненія (с. 32—52.). Онъ посвящаетъ ее краткому изложенію и обоснованію тѣхъ мѣръ, которыя онъ самъ предлагаетъ въ качествѣ средствъ къ улучшенію уголовнаго судоустройства и судопроизводства по легкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ и при томъ предлагаетъ главнымъ образомъ для Россіи (с. 33—38; 46—52.), а отчасти и для западно-европейскихъ континентальныхъ государствъ (с. 38; 46.).

Излагая рекомендуемыя имъ мѣры, авторъ вовсе не имѣеть въ виду решить вопросъ объ улучшеніи этого судоустрой-

ства и судопроизводства исчерпывающимъ образомъ. Напротивъ, излагая устройство и дѣятельность англійскихъ полицейскихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ (с. 38—44.), авторъ желаетъ указать лишь образецъ, достойный вниманія и подражанія, по мѣрѣ возможности, со стороны каждого законодателя (с. 46.); относительно же Россіи авторъ прямо заявляетъ, что онъ намѣтить только „путь, по которому должны быть направлены реформы въ смыслѣ ускоренія и упрощенія нашего суммарнаго процесса“ (с. 47—48.).

Что касается порядка изложенія намѣчаемыхъ мѣръ усовершенствованія, то онъ не отличается систематичностью. Вмѣсто того, чтобы изложить сначала мѣры, предназначаемыя для усовершенствованія судоустройства, а потомъ — мѣры, касающіяся судопроизводства, или обратно, авторъ начинаетъ указаніемъ на необходимость принятія нѣкоторыхъ мѣръ для усовершенствованія нашего уголовнаго судопроизводства у мировыхъ судей (с. 33—35.), потомъ проектируетъ усовершенствованіе канцелярій у мировыхъ судей (с. 35—38.), затѣмъ даетъ очеркъ устройства и дѣятельности англійскихъ полицейскихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ (с. 38—44.), а потомъ снова обращается къ нашимъ мировымъ судамъ и говоритъ о необходимости нѣкоторыхъ усовершенствованій ихъ устройства (с. 47—48.), затѣмъ отмѣчаетъ необходимость представленія нѣкоторой дисциплинарной власти мировымъ судьямъ надъ полиціей (с. 48—50.), еще разъ говоритъ о необходимости усовершенствованія канцелярій (с. 50.), опять переходитъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ усовершенствованія судопроизводства (с. 50—51.) и заканчиваетъ краткимъ перечисленіемъ недостатковъ нашего „существующаго порядка относительно обжалованія приговоровъ“ (с. 51—52.).

Обращаясь къ разсмотрѣнію этой части сочиненія г. Михайловскаго по содержанію, мы должны отмѣтить, что, приступая къ критикѣ нашего уголовнаго судопроизводства у мировыхъ судей, авторъ начинаетъ съ вѣрнаго замѣчанія. „Весьма значительная часть зла, говорить онъ (с. 33.), коре-

нится въ неисполнениі требованій дѣйствующихъ законовъ, неисполнениіи не только со стороны соприкасающихся съ судомъ властей, но и со стороны самихъ судей". „Такъ напр., если судья принимаетъ отъ полиціи дознаніе, присланное ему „на распоряженіе“, вмѣсто того, чтобы требовать отъ полиціи самого точнаго исполненія ст. 50 Уст. уг. суд., то, конечно, не говоря о другихъ печальныхъ результатахъ, получится медленность производства, т. к. судья долженъ непроизводительно тратить время на изученіе актовъ дознанія, чтобы извлечь изъ нихъ необходимыя для движенія дѣла свѣдѣнія“ (с. 33—34.).

Далѣе, авторъ правильно вооружается противъ переполненія приговоровъ излишними свѣдѣніями и подробностями (с. 34.), но, къ сожалѣнію, не указываетъ, какого же рода свѣдѣнія должны быть изложены въ уголовномъ приговорѣ единоличнаго судьи.

Точно также авторъ справедливо возстаетъ противъ увлеченія бумажнымъ производствомъ и справедливо отмѣчаетъ (с. 34.), „что суммарный процессъ есть процессъ устный по преимуществу и что письменное закрѣпленіе необходимо лишь для его основныхъ, существенныхъ моментовъ“, но что это за моменты не указываетъ, а говорить о неправильностяхъ „чиновничьей точки зрѣнія“. За то авторъ дѣлаетъ правильный упрекъ нашему дѣйствующему уставу уголовного судопроизводства (ст. 142.) за требованіе внесенія нѣкоторыхъ излишнихъ свѣдѣній въ протоколъ судебнаго засѣданія мирового судьи, при разбирательствѣ уголовнаго дѣла по существу. Останавливаясь на этомъ требованіи 142-й статьи устава уголовнаго судопроизводства, г. Михайловскій дѣлаетъ замѣчаніе, что „едва ли найдется хоть одинъ судья, какимъ бы поклонникомъ бумажнаго производства онъ ни былъ, который сталъ бы вносить въ протоколъ судебнаго засѣданія всѣ тѣ свѣдѣнія, которые требуются означенною статьей“ (с. 35.). Такой взглядъ автора на отношеніе судьи къ исполненію требованій закона нельзя признать правильнымъ. Законъ долженъ быть исполняемъ всякимъ разумнымъ человѣкомъ, къ которому относятся его исполнимыя требованія, и прежде всего судьею.

Соображенія автора о необходимости усовершенствованія канцелярій у нашихъ мировыхъ судей введеніемъ должности штатнаго секретаря при мировомъ судьѣ (с. 35—38.) заслуживаютъ большого вниманія, и, по моему мнѣнію, правильны, но только не по отношенію ко всѣмъ мировымъ судьямъ, а лишь по отношенію къ тѣмъ, которымъ приходится имѣть ежегодно не менѣе семисотъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ.

Очеркъ устройства и дѣятельности англійскихъ полицейскихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ (с. 38—44.) составленъ г. Михайловскимъ главнымъ образомъ по сочиненію графа де Франкевилль¹⁾. кратко, въ общихъ чертахъ, большую частью правильно, но безъ правильнаго выясненія и изложенія функцій англійскаго полицейскаго судьи. Въ концѣ этого очерка (с. 44—46.) г. Михайловскій излагаетъ свой общій итогъ достоинствъ англійскаго полицейскаго суда по уголовнымъ дѣламъ. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Михайловскій (с. 44—45.), мы видимъ, что въ высшей степени плодотворная дѣятельность англійскихъ полицейскихъ судовъ обусловливается прежде всего самою организаціею этихъ судовъ. Въ личности англійского судьи соединяются всѣ необходимыя условія для того, чтобы онъ отдалъ всѣ свои силы на служеніе правосудію. Это не начинаящій служебную карьеру, мало опытный чиновникъ, заботящійся о повышеніи, принужденный считаться и со взглядами своего начальства, и съ мнѣніями вліятельныхъ лицъ, не чувствующій подъ собою твердой почвы, не спокойный на счетъ завтрашняго дня, лишенный того ровнаго, спокойнаго (и столь цѣннаго въ судьѣ) настроенія духа, которое дается отсутствіемъ материальныхъ заботъ и лишений, не обладающій авторитетомъ ни среди гражданъ, ни среди соприкасающихся съ нимъ властей, — а напротивъ, это пожилой,

1) Le c-te de Franqueville — Le systѣme judiciaire de la Grande Bretagne. Paris. 1893. Tome I — Organisation judiciaire. p. 274—277; 279. Tome II — La proc  ure civile et criminelle. p. 306; 311—315; 321—323; 327; 333—334; 339.

житейски-опытный, уважаемый и прекрасно знающий свое дело юристъ, отлично обеспеченный материально, безусловно независимый, увѣренный, что если въ приговорѣ онъ добросовѣстно выразить свое убѣженіе, то никто не можетъ поколебать его положенія; это судья, облеченный достаточной властью, чтобы заставить всѣхъ и каждого исполнять его законные требования; онъ пользуется большимъ авторитетомъ, привязанъ къ своему дѣлу и посвящаетъ ему всѣ свои силы; хотя отъ него требуется очень большая работа, но со стороны законодателя сдѣлано все, для того, чтобы судья приступилъ къ работе со свѣжими силами; словомъ, это судья, доказывающій справедливость замѣчанія Prins'a (*Criminalité et repression*), что чувство долга усиливается въ судѣ по мѣрѣ возрастанія его авторитета“ „Далѣе, продолжаетъ г. Михайловскій (с. 45—46.), англійскій законодатель сдѣлалъ все возможное для того, чтобы работа судьи была продуктивнѣе и быстрѣе: судья исполняетъ исключительно чисто-судейскія обязанности, вся же остальная работа предшествующая, сопутствующая и слѣдующая за разбирательствомъ дѣлъ, поручена состоящимъ при судѣ отвѣтственнымъ должностнымъ лицамъ. Если мы прибавимъ къ этому низведеніе письменности до необходимаго минимума и чрезвычайную заботливость законодателя о немедленномъ исполненіи всѣхъ законныхъ судебныхъ требованій, то мы поймемъ, почему ежедневно засѣдающіе 14 лондонскихъ полицейскихъ судей не только успѣваютъ блестящимъ образомъ справляться съ массой дѣлъ населенія въ нѣсколько разъ превышающаго численность населенія Петербурга, но и посвящать значительную часть этихъ ежедневныхъ засѣданій на дачу нуждающимся различныхъ юридическихъ совѣтовъ, выслушивание жалобъ, снабженіе деньгами изъ особо назначенныхъ суммъ нуждающихся лицъ, обращающихся къ судѣ за деньгами, помощью и. т. п.“.

Въ заключеніе авторъ отмѣчаетъ и ту цѣль, съ которой онъ сдѣлалъ свой очеркъ у устройства и дѣятельности англійскихъ полицейскихъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ. Эта цѣль — указать европейскимъ континентальнымъ законо-

дателямъ (с. 38.) поучительный образецъ судоустройства и судопроизводства по маловажнымъ уголовнымъ правонарушениямъ, достойный не только вниманія, но и подражанія, по мѣрѣ возможности (с. 46.).

Обращаясь къ только что упомянутому очерку устройства и дѣятельности англійского суда по уголовнымъ дѣламъ и итогу достоинствъ этого учрежденія, нельзя не отмѣтить, что г. Михайловскій въ этомъ очеркѣ (с. 41—43.) не изложилъ функций англійского полицейского судьи при разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ по существу, съ надлежащей полнотой, ясностью и правильностью, а въ своемъ итогѣ (с. 45.) охарактеризовалъ эти функции неправильно. „Судья, по словамъ г. Михайловскаго (с. 45.), исполняетъ исключительно чисто-судейскія обязанности“. Изъ этихъ словъ необходимо заключить, что англійский полицейский судья, при разбирательствѣ уголовнаго дѣла по существу, облечень по закону только судейской функцией и совершенно не надѣленъ ни обвинительной, ни защитительной ни въ какой степени; а между тѣмъ действующее англійское право облекаетъ полицейского судью судейской функцией, въ качествѣ главной, а обвинительной и защитительной, въ качествѣ добавочныхъ. Эти добавочные функции предоставлены англійскому полицейскому судью для того, чтобы, въ случаѣ неудовлетворительного выполненія какой-нибудь изъ нихъ соответствующимъ органомъ обвиненія или защиты, дать возможность судью разъяснить уголовное дѣло во время разбирательства на столько, на сколько это необходимо для открытія возможности къ добросовѣстному постановленію основательнаго и правомѣрнаго приговора. Если бы англійскій полицейскій судья обладалъ „исключительно чисто-судейской“ функцией; то онъ обязанъ былъ бы решать вопросы о виновности обвиняемаго только по доказательствамъ, представленнымъ во время судебнаго слѣдствія самими сторонами, и не имѣть бы права ни предлагать вопросы свидѣтелямъ и экспертамъ съ цѣлью выясненія виновности обвиняемаго, ни предлагать вопросы этимъ лицамъ съ цѣлью выясненія невиновности

или меньшей виновности этого лица, такъ какъ предложеніе вопросовъ первого рода составляетъ осуществленіе обвинительной функціи, а предложеніе вопросовъ второго рода — защитительной. Присутствіе же права на предложеніе вопросовъ того и другого рода у англійскаго полицейскаго судьи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Уголовный процессъ бываетъ трехъ типовъ: или обвинительный, или слѣдственный, или смѣшанный т. е. слѣдственно-обвинительный.

Обвинительнымъ или состязательнымъ уголовнымъ процессомъ называется такая система уголовного судопроизводства, въ которой обвинительная, защитительная и судейская функціи по одному и тому же уголовному дѣлу постоянно вполнѣ отдѣлены другъ отъ друга и ввѣрены порознь тремъ различнымъ органамъ: обвинительная — органу обвиненія, защитительная — органу защиты и судейская — суду. Идея о полномъ раздѣленіи обвинительной, защитительной и судейской функцій въ одномъ и томъ же уголовномъ дѣлѣ по тремъ различнымъ самостоятельнымъ органамъ называется обыкновенно обвинительнымъ или состязательнымъ началомъ или принципомъ.

Слѣдственный уголовный процессъ есть та система уголовного судопроизводства, въ которой обвинительная, защитительная и судейская функціи по одному и тому же уголовному дѣлу постоянно соединены въ рукахъ одного и того же органа, а именно — суда и не предоставлены еще никому иному. Идея о постоянномъ соединеніи этихъ трехъ функцій по одному и тому же уголовному дѣлу въ рукахъ суда, безъ допущенія органовъ обвиненія и защиты, называется слѣдственнымъ или розыскнымъ принципомъ.

Смѣшанный или слѣдственно-обвинительный уголовный процессъ представляетъ собой такую систему уголовного судопроизводства, въ которой по одному и тому же уголовному дѣлу раздѣленіе обвинительной, защитительной и судейской функцій между тремя различными процессуальными органами

сочетается съ соединенiemъ этихъ трехъ функцій въ рукахъ одного органа, а именно — суда.

Это сочетаніе производится троекимъ образомъ.

Первый способъ сочетанія состоить въ томъ, что процессъ раздѣляется на нѣсколько стадій, напр., на стадію предварительного слѣдствія, стадію первоначального разбирательства и рѣшенія дѣла по существу и стадіи обжалованія, а затѣмъ въ одной стадіи всѣ функціи: обвинительная, защитительная и судейская ввѣряются суду и никакихъ сторонъ не устанавливается, а въ другихъ стадіяхъ проводится строгое раздѣленіе этихъ трехъ функцій между сторонами и судомъ.

При второмъ способѣ сочетанія, всѣ три функціи: обвинительная, защитительная и судейская вручены суду, судейская — въ качествѣ главной, а обвинительная и защитительная — въ качествѣ добавочныхъ; но за то, сверхъ того, рядомъ съ судомъ организованы двѣ стороны и обвиняющей сторонѣ ввѣрена обвинительная функція, а защищающей сторонѣ — защитительная.

Третій способъ представляетъ сочетаніе двухъ первыхъ. Процессъ раздѣленъ на нѣсколько стадій, и одинъ изъ нихъ организованы по первому способу, а другія — по второму.

Системы уголовнаго судопроизводства, дѣйствующія въ культурныхъ государствахъ нашего времени, принадлежать къ смѣшенному типу. Въ наше время въ каждомъ культурномъ государствѣ дѣйствуетъ слѣдственно-обвинительный процессъ. Онъ представляетъ сочетаніе обвинительного принципа съ слѣдственнымъ. Но въ одномъ процессѣ проводится больше обвинительный принципъ, а въ другомъ — больше слѣдственный. Если поставить съ одной стороны обвинительный уголовный процессъ, а съ другой — слѣдственный и размѣстить между ними, какъ между двумя крайностями, смѣшанные слѣдственно-обвинительные уголовные процессы культурныхъ государствъ нашего времени и при томъ размѣстить въ направленіи отъ обвинительного процесса къ слѣдственному, по убывающимъ

степенямъ обвинительного принципа и возрастающимъ слѣдственного; въ такомъ случаѣ первое мѣсто, ближайшее къ обвинительному процессу, займутъ уголовные процессы: английскій, ньюоркскій, массачусетскій, второе — австрійскій, третье — германскій, четвертое — русскій и пятое, ближайшее къ слѣдственному процессу, — итальянскій и французскій.

Оставляя вопросъ объ Англіи, отмѣтимъ еще нѣкоторое увлеченіе со стороны г. Михайловскаго. На одной страницѣ (с. 40.), онъ справедливо говоритъ, что „Лондонъ раздѣленъ на 14 полицейско-судебныхъ участковъ съ 26 судьями“, а на другой (с. 45—46.) заявляетъ, что „ежедневно засѣдающіе 14 лондонскихъ полицейскихъ судей не только успѣваютъ блестящимъ образомъ справляться съ массой дѣлъ населенія въ нѣсколько разъ превышающей численность населенія Петербурга, но и посвящать значительную часть этихъ ежедневныхъ засѣданій на дачу нуждающимся различныхъ юридическихъ совѣтовъ“ и. т. д.

Отъ Англіи г. Михайловскій снова переходитъ къ Россіи и, высказавъ свое сочувствие судебнѣмъ уставамъ Императора Александра III, намѣчаетъ „путь, по которому должны быть направлены реформы въ смыслѣ ускоренія и упрощенія нашего суммарнаго процесса“ (с. 48.).

Авторъ справедливо отмѣчаетъ (с. 48.), что „намъ нужны не судебные чиновники, а независимые, несмѣняемые, авторитетные, научно подготовленные и житейски опытные судьи, которые были бы привязаны къ своему дѣлу, не стремились бы при первой возможности оставить его для болѣе выгоднаго, которые посвящали бы служенію правосудію всѣ свои силы и которые пользовались бы довѣріемъ народа“.

Далѣе, авторъ правильно указываетъ (с. 48.), что „необходимо обеспечить самое точное и немедленное исполненіе административными властями и въ особенности полиціей всѣхъ законныхъ требованій судей“. „Въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, въ высшей степени желательно дальнѣйшее развитіе принципа, намѣченного въ ст. 53 Уст. уг. суд. первоначаль-

ной редакції“. „Заимствованіе англійскаго порядка наложенія судьею взысканій на полицейскихъ чиновниковъ, говоритъ онъ (с. 50.), сразу измѣнило бы къ лучшему все дѣло, прекратило бы случаи откладыванія дѣлъ изъ за неврученія повѣстокъ и т. п. и было бы логическимъ развитіемъ принципа, намѣнченнаго въ ст. 53 Уст. уг. суд. первоначальной редакції“. Эта статья въ ея первоначальной редакціи содержала въ себѣ слѣдующее постановленіе: „Въ случаѣ неисполненія полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мирового судьи, сему послѣднему предоставляется дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, а о важныхъ съ ихъ стороны упущеніяхъ сообщать прокурору или его товарищу“. Возстановленіе этого права предостереженій было бы, несомнѣнно, полезно для интересовъ правосудія, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы это право принадлежало не отдѣльному мировому судью, а съѣзду мировыхъ судей и распространялось бы только на нисшихъ и среднихъ чиновъ полиціи.

Соображенія г. Михайловскаго (с. 50.), какъ о необходимости хорошихъ писарей для мировыхъ судей, такъ и о необходимости увеличенія канцелярскихъ суммъ для судей вполнѣ справедливы.

Замѣчаніе автора (с. 50—51.), что въ области процессуальныхъ законовъ „необходимы реформы въ смыслѣ возможно полнаго проведенія принципа устности производства и отведенія письменности самого скромнаго мѣста“, имѣть слишкомъ общий и неопределенный характеръ и въ такомъ видѣ не можетъ быть признано правильнымъ. Что же касается замѣчанія относительно полезности введенія общей книги приговоровъ судьи, то съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться.

„Въ заключеніе, говоритъ г. Михайловскій (с. 51—52.), нельзя не отмѣтить еще недостатковъ существующаго порядка относительно обжалованія приговоровъ. Этотъ порядокъ во многомъ способствуетъ замедленію и усложненію суммарнаго процесса: и слишкомъ длинные сроки на обжалованіе, и полная возможность затягивать дѣло по желанію апеллятора, и очень

громоздкая процедура разбора дѣлъ во второй инстанціи съ ея письменностью, длинными докладами дѣлъ, подписями протоколовъ и т. п., необычайно длинными формулами присяги, совершенно ненужнымъ участіемъ прокуратуры для дачи заключеній и т. д. Здѣсь, заканчиваетъ г. Михайловскій, достаточно обширное поле для законодательной работы въ смыслѣ упрощенія этого важнаго отдѣла суммарного процесса". Въ отношеніи этого заключенія нельзя не замѣтить, что здѣсь оставлено г. Михайловскимъ достаточно обширное поле и для основательной научной работы.

Что касается языка, то работа г. Михайловского написана вообще живымъ литературнымъ языкомъ. Запутанныя фразы встречаются, но довольно рѣдко. Этимъ недостаткомъ страдаетъ, напр., слѣдующая фраза: „Такіе приказы, говорить г. Михайловскій (с. 18.), могутъ быть постановляемы не иначе, какъ по письменнымъ предложеніямъ прокуратуры, въ которыхъ самымъ точнымъ образомъ должно быть обозначено (кромѣ всѣхъ обстоятельствъ, указанныхъ въ законѣ для обвинительного акта) требуемое прокуратурой наказаніе въ его родѣ и размѣрѣ". Точно также и неизящныхъ выражений, въ родѣ „кричащей необходимости" (с. 10 и 38.) у г. Михайловского попадается очень мало.

Изложивъ достоинства и недостатки сочиненія г. Михайловского подъ заглавиемъ: „Къ вопросу объ упрощеніи суммарного уголовнаго процесса", честь имѣю представить Юридическому Факультету, что это сочиненіе, хотя и страдаетъ нѣсколькими недостатками, хотя и заслуживаетъ упрека за нѣкоторые пробѣлы, относящіеся къ основнымъ частямъ науки уголовно- судебнаго права, но посвящено важному вопросу нашего времени о сокращеніи уголовнаго судопроизводства по мелкимъ или легкимъ уголовнымъ правонарушеніямъ, обращаетъ вниманіе на многія существенные части этого вопроса, излагаетъ ихъ вкратцѣ, въ главныхъ чертахъ, большую частью съ надлежащей правильностью и даетъ въ общихъ чертахъ оценку, содержащую въ себѣ многое вѣрнаго, а потому можетъ

быть признано достаточнымъ для доцентенія г. Михайловскаго къ диспуту и пріобрѣтенію права чтенія лекцій въ качествѣ приватъ-доцента въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ тѣмъ болѣе, что г. Михайловскій уже пріобрѣлъ въ Университетѣ Св. Владимира въ 1900 году право чтенія лекцій въ качествѣ приватъ-доцента во всѣхъ русскихъ университетахъ, управляемыхъ по общему университетскому уставу 1884 года.

1903 года 24 марта.

Ординарный профессоръ уголовнаго права
П. Пусторослевъ.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

Тип. К. Маттисена въ Юрьевъ.